

Глава 7

Хэ Фэньюань.

Это имя внезапно всплыло в памяти Сун Хуэйхуэя.

Он никогда бы не забыл этого странного человека.

Тот появился в их классе во втором семестре одиннадцатого класса. Неизвестно, была ли это любовь с первого взгляда или нечто иное, но с самой первой встречи Хэ Фэньюань прицепился к юноше как банный лист и с большой помпой начал добиваться его внимания.

Хэ Фэньюань был красив, остроумен и обаятелен, пользовался огромной популярностью, и какое-то время вся школа гудела слухами об их романе.

И это при том, что Сун Хуэйхуэй не только ни разу не ответил ему взаимностью, но и откровенно презирал его показушные ухаживания.

Однако поведение настойчивого поклонника оставалось двусмысленным, лишённым всяких границ, словно у них и впрямь была какая-то тайная связь. Хэ Фэньюань умудрился представить холодный отказ Сун Хуэйхуэя как проявление «стеснения».

Эта молчаливо одобренная всеми иллюзия отношений приводила юношу в ярость.

Лишь он один знал, какая фальшивая душа скрывается под этой маской нежности и благовоспитанности.

— Давно не виделись.

Приветствие вырвало Сун Хуэйхуэя из воспоминаний.

За прошедшие годы Хэ Фэньюань почти не изменился: всё тот же взгляд с лукавой искоркой, тот же едва уловимый аромат одеколona, та же безупречно выверенная забота в голосе.

Всё та же знакомая, искусно разыгранная пылкость.

Фальшивая до тошноты.

Сун Хуэйхуэй незаметно уклонился от руки, которую старый знакомый хотел положить ему на плечо, и неопределённо хмыкнул.

После выпуска этот человек словно испарился из его жизни — так же внезапно, как и появился. Его уход был тихим и бесследным. Сун Хуэйхуэй тогда вздохнул с огромным облегчением — о большем он и мечтать не мог.

Но...

Он бросил косой взгляд на окружающих, ловя их многозначительные, насмешливые взгляды, и его пальцы крепче сжали манжету.

В глазах других эта самая обычная встреча, без сомнения, выглядела как заранее спланированное воссоединение бывших возлюбленных.

Юноша стиснул зубы и метнул гневный взгляд на стоявшего в стороне Лю Цзяна. Тот втянул голову в плечи и виновато опустил глаза.

Так и есть. Они сговорились заранее.

У Сун Хуэйхуэя не было ни малейшего желания подыгрывать в этом нелепом спектакле.

Он решительно отвернулся, избегая чужого взгляда, и, вскинув бровь, помахал рукой Лю Цзяну:

— Брат Лю, не забудь про своё обещание насчёт фигурки.

Лю Цзян быстро покосился на Хэ Фэньюаня, тут же отвёл глаза и, заискивающе улыбаясь, закивал:

— Конечно-конечно, раз обещал — отдам.

Сун Хуэйхуэй заметил его мимолётное движение, но ничего не сказал, лишь слегка приподнял подбородок, сдерживая подступающий гнев.

Даже слепому было очевидно, что атмосфера между ними была натянутой и странной. Те, кто ещё минуту назад собирался их поддразнивать, поумерили свой пыл, лишь украдкой перебрасывались взглядами.

Сун Хуэйхуэй с самого начала игнорировал Хэ Фэньюаня. Он отошёл в угол, взял стакан апельсинового сока и принялся медленно пить, касаясь губами гладкого края.

Манжета его рубашки соскользнула, обнажая тонкое, хрупкое запястье, которое можно было обхватить пальцами одной руки.

Он замер, держа стакан, и снова бросил взгляд в сторону.

Хэ Фэньюань не сводил с него глаз.

Тут же, словно по команде, к нему подошёл кто-то из бывших одноклассников:

— Сяо Сун, столько лет прошло, а ты всё такой же красивый.

Юноша несколько раз взглянул на подошедшего, убедился, что почти не общался с ним в школе, но из вежливости всё же обменялся парой фраз.

Вскоре разговор, как бы невзначай, перешёл на Хэ Фэньюаня.

— Сяо Сун, а как вы всё-таки расстались с Хэ Фэньюанем? Вы же были такой прекрасной па...

Слово «парой» так и не было произнесено. Громкий стук прервал его на полуслове.

Сун Хуэйхуэй с непроницаемым лицом поставил стеклянный стакан на стол.

Его длинные тёмные ресницы опустились, а полные губы сжались в тонкую, прямую линию.

Кажется, он и вправду рассердился.

Одноклассник в замешательстве посмотрел на него и что-то пробормотал, не зная, что делать.

Но в следующую секунду Сун Хуэйхуэй поднял глаза, и на его лице снова появилась фирменная милая, но отстранённая улыбка.

Прозрачные круглые глаза слегка сощурились, а щёки при улыбке округлились, придавая лицу мягкость.

— Ты, наверное, что-то путаешь. У меня с ним никогда ничего не было.

Тот поспешно закивал:

— Ох, да-да, это я ошибся.

После этого разговора юноше окончательно расхотелось здесь оставаться.

Он что-то пробормотал в качестве оправдания и под этим предлогом вышел в туалет.

Уборная была с высокими потолками. У входа стояла стойка из тёмного мрамора с огромным зеркалом. Холодный искусственный свет падал из угла, создавая ощущение ледяного холода.

Сун Хуэйхуэй наклонился, открыл кран, и его мысли беспорядочно заметались, прокручивая недавние события.

Тонкие белые пальцы погрузились в струи воды. Бесчисленные капли скользили по коже и с тихим стуком разбивались о раковину.

Кап-кап, кап-кап.

Он рассеянно смотрел перед собой.

Внезапно краем глаза он заметил, как из крана вместе с водой потекло что-то кроваво-красное.

Его пальцы дрогнули. Он резко сфокусировал взгляд и посмотрел на свои руки.

Никакой крови.

Не успел он вздохнуть с облегчением, как по белоснежному краю раковины поползли несколько кровавых струек.

Кап-кап, кап-кап.

Словно вызывающе.

Сун Хуэйхуэй замер. Его взгляд медленно проследовал за кровавыми ручейками вверх.

Холодный свет странно мерцал. В пустой уборной, на огромной зеркальной поверхности, алели несколько больших, написанных кровью слов.

[Я ревную]

[Я ревную к нему]

Юноша перестал тереть руки.

Глядя на эту жуткую картину, он медленно моргнул.

А?

К чему он ревнует?

Словно в ответ на его невысказанный вопрос, надпись на зеркале изменилась:

[Я тоже хочу твоей любви]

[Почему у него может быть то, чего не может быть у меня? Почему почему почему почему]

Сун Хуэйхуэй промолчал.

Сколько раз ему ещё повторять, что он никого не любит?

Он стиснул зубы, выдернул из диспенсера несколько бумажных полотенец и с силой принялся тереть зеркало.

Кровь пропитала грубую бумагу, и вскоре полотенца превратились в мокрые, жалкие комки, которые шлёпнулись на стойку.

Юноша сжал челюсти.

Он зашёл в подсобку, вытащил швабру и с яростью набросился на кровавые следы.

Он тёр, тёр, тёр!

И при этом бормотал себе под нос:

— Не мог просто сообщение написать, если что-то хотел сказать? Зачем устраивать весь этот цирк?

— Только лишнюю работу уборщикам создаёшь.

Надписи исчезли, но тут же появились новые.

[Я слышал, написанное от руки выглядит искреннее]

[Прости]

[Пожалуйста, не ненавидь меня]

Сун Хуэйхуэй хмыкнул и уже собирался что-то ответить, как вдруг сзади раздался испуганный голос:

— Сяо... Сяо Сун?

Рука со шваброй дрогнула. Он в панике обернулся.

Это был Лю Цзян, пришедший отдать ему фигурку.

Лицо Лю Цзяна было белым как бумага, щёки дрожали, а взгляд медленно переместился на зеркало за спиной Сун Хуэйхуэя.

Голос его срывался, а рука с фигуркой тряслась:

— Что... что это у тебя за спиной?

Юноша виновато сжал швабру и, инстинктивно отступив, сел на стойку, пытаясь своим хрупким телом закрыть надписи.

— Ничего, — пробормотал он.

Мягкие ягодицы опустились на холодный твёрдый мрамор, отчего по телу пробежала волна тепла.

Он беспокойно заёрзал, пытаясь устроиться поудобнее, как вдруг почувствовал, что коснулся чего-то.

Такого же холодного, как мрамор.

Кажется, это была человеческая ладонь.

Сун Хуэйхуэй замер.

Это была большая, широкая рука. И, может, ему показалось, но длинные пальцы этой руки тоже испуганно дрогнули.

Он оперся одной рукой о стойку, лицо его стало напряжённым.

Лю Цзян по-прежнему смотрел на зеркало и, не веря своим глазам, пролепетал:

— Но я же видел... там была кровь.

Юноша быстро прикрыл надписи рукой и, не моргнув, солгал:

— Это моя кровь. Я случайно порезался.

Сказав это, он вдруг почувствовал что-то странное.

Тонкая хлопковая повязка на руке в том месте, где он прижимался к зеркалу, промокла, расплываясь тёмным пятном.

Сун Хуэйхуэй замер.

Лицо его оставалось спокойным, но лёгкая, едва заметная дрожь выдавала его.

Лю Цзян хотел было что-то ещё сказать, но, взглянув снова, увидел, что кровавые разводы, похожие на буквы, превратились в обычные пятна, словно Сун Хуэйхуэй и вправду случайно их оставил.

Побледнев, он проглотил свои слова.

— Кстати, ты принёс мне фигурку? — спросил Сун Хуэйхуэй, затаив дыхание. Он то и дело покусывал губы, отчего они покраснели.

Лю Цзян очнулся, только когда его взгляд упал на почему-то ставшие влажными глаза юноши.

— А, да, точно, принёс, — сказал он и шагнул вперёд, чтобы отдать фигурку, но на полпути испуганно покосился на зеркало за спиной Сун Хуэйхуэя и остановился. — Кстати, Сяо Сун, насчёт сегодняшней встречи... я правда не хотел тебя обманывать.

На его лице отразилось раскаяние.

— Признаю, я надеялся, что вы помиритесь, но эту фигурку я и вправду хотел тебе подарить. Мы с Хэ Фэньюанем не сговаривались, чтобы заманить тебя сюда. Просто так совпало...

— Вы ведь и правда были такой хорошей парой, и Хэ Фэньюань так тебя любил... я не думал,

что ты...

— Брат Лю, не говори больше, — прервал его Сун Хуэйхуэй.

В холодном искусственном свете его лицо казалось ещё бледнее.

— А? — не понял Лю Цзян. — Я что-то не то сказал? Но ведь вся школа думала, что вы поженитесь. Не я один так считаю.

Сун Хуэйхуэй не ответил, лишь крепче вжался в холодное зеркало, и его лицо исказилось.

— Брат Лю, ты жить хочешь?

— Умоляю, замолчи.

Он не хотел, чтобы на его совести была ещё одна смерть.

Он с силой давил на зеркало, но не мог сдержать бушующий, искажённый поток эмоций, просачивающийся сквозь его пальцы.

Там, куда не мог заглянуть Лю Цзян, в тени, из зеркала снова поползла густая чёрная кровь, заливая мраморную стойку.

Она была безумной, ревнивой, искажённой, яростной!

Ревность стала такой густой, что почернела. Она выводила кровавые строки, заканчивающиеся холодным, змеиным росчерком.

Кап-кап, кап-кап, ревность переливалась через край.

[Я хочу его убить!!!]

[Почему ты не можешь любить меня? Почему ты должен любить его???)

[Почему почему почему почему]

<http://bllate.org/book/16009/1442407>